

СЕПАРАТИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

.....

А.В. Баранов*

Сепаратизм — территориальное политическое движение, цель которого — отделить от государства часть его пространства и создать своё независимое государство. Под сепаратизмом понимают и политические программы, и действия по достижению независимости [29, с. 3; 46, с. 197–216, 231–237; 55]. Его аргументация обычно сводится к радикально понимаемому принципу самоопределения. Как отмечает В.А. Тишков, международные правовые акты истолковывают право народов на самоопределение как право территориальных сообществ (а не этнических групп!) создавать систему управления согласно демократически выраженной воле и не в ущерб остальному населению [45, с. 343]. Самоопределение — это право на участие в важном для общества политическом процессе. Сепаратизм же означает выход территории проживания сторонников отделения из состава государства, разделение более широкого культурного и политического сообщества.

Важнейшая черта любого государства — его *суверенитет*, т.е. верховенство публичной власти на своей территории и независимость во внешнеполитических отношениях. Принцип неотчуждаемости государственной территории означает, что никакая часть пространства страны не может быть отчуждена, передана другому государству или объявлена независимой, кроме как вследствие собственного свободного решения самого государства [4, с. 45].

С другой стороны, международное право обеспечивает *принцип равноправия и самоопределения народов*. Он сформулирован в Декларации о принципах

* Баранов Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

Публикация представляет собой фрагмент из подготовленного к изданию пособия: Баранов А.В., Варгумян А.А. Политическая регионалистика: Курс лекций. М.: РГСУ «Союз», 2005. Вып. 4.

пах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. Способы реализации данного права: «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса» [33, с. 10]. Позже этот принцип много раз подтверждался в международных правозащитных пактах.

Ясно, что принципы неотчуждаемости территории и самоопределения диалектически противоположны. В советских общественных науках господствовала идеологическая пристрастность. Если дробление государств (например, колониальных империй Запада) было выгодно для СССР, то такой территориальный процесс называли «национально-освободительным движением». И напротив, идеологически враждебные движения именовались «сепаратистскими» [12; 25; 29]. Ничем не лучше трактовки права самоопределения тех зарубежных политологов, которые утверждают, что глобализация делает крайне условными суверенитет и сам институт национального государства, и потому настаивают на том, что надо юридически и политически поддерживать право народов на самоопределение, включая сецессию (отделение) от «неудавшихся» государств (failed-states). Такова точка зрения А. Бьюкенена, Г. Грос Эсприела, К. Рупесинге, а в России Г.В. Старовойтовой, А.Г. Осипова и других «защитников» прав меньшинств [8; 42; 44, с. 57–58].

Противники безоговорочного права на самоопределение выдвигают следующие аргументы.

1. Чем больше государств, тем больше этнических меньшинств, недовольных своим положением. Идеал этнически однородного государства недостижим, противоречит демократии (В.А. Тишков).

2. В Декларация ООН 1970 г. речь идет о колониальных народах, подчинённых «иностранным игу, господству и эксплуатации». Д.В. Доленко приводит цитату из того же текста: ничто, сказанное о самоопределении народов, «не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов ... и вследствие этого имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания и цвета кожи» [17, с. 61]. Из этого пояснения следует, что современные демократические государства не подпадают под действие права на самоопределение, хотя в большинстве независимых государств мира население состоит из многих народов, религиозных сообществ, лингвистических групп и т.д. Как быть с ними? И главный вопрос для политолога: кто будет определять «законность» и «прогрессивность» («реакционность») притязаний заинтересованных групп?

Некоторые авторитетные политологи полагают, что идея самоопределения народов юридически неопределённая, а также провоцирует разрушительные этнические конфликты и сепаратизм [53, с. 4]. А. Этциони считает, что самоопределение нельзя трактовать как абсолютную ценность во всех случаях. Необходимо ограничить применение этого права в рамках принципа целостности государства. С точки зрения М. Померанса, главная опасность — в поощрении односторонних неконтролируемых действий [53, с. 5]. А.Я. Йонгман и А.П. Шмид разделяют самоопределение на внешнее (самостоятельное определение международно-правового статуса) и внутреннее [53, с. 4]. По мнению многих исследователей, внешнее самоопределение может быть рекомендовано только народам, терпящим колониальную зависимость или иностранную оккупацию. В иных случаях сецессия оправдана только там, где власти допускают массовые нарушения прав человека и постоянно угнетают некое сообщество. Гораздо более продуктивным считается «внутреннее» самоопределение, предполагающее создание демократических институтов и механизмов группового представительства в рамках единого государства. Таковы федерация, так называемое регионалистское государство, различные формы автономии.

Механизмы реализации права на самоопределение по сути консенсусны. Данное право не признаётся за этническими диаспорами и малочисленными сообществами. Российские государственоведы И.А. Конюхова и Л.Ф. Болтенкова подчеркивают, что российская Конституция определяет термин «народ» как политико-территориальное сообщество жителей некоего региона (местности), а не как этнос [7; 28]. Народ — общность лиц разной национальности, исторически объединённых проживанием в регионе. Дополнительные признаки, такие, как этничность, религия, язык, не обязательны с юридической точки зрения. Речь должна идти не о неких титульных этносах, а обо *всём полиэтничном населении региона*.

Принцип самоопределения народов предполагает различные способы политико-территориальной организации общности во внутригосударственных отношениях: создание субъекта федерации, организацию местного самоуправления, экстерриториальные формы национально-культурной автономии и т. п. И только высшую форму самоопределения составляет право образовать государство. Если все же территориальное сообщество настаивает на сецессии, должны соблюдаться четкие правовые условия: конституционные нормы о праве сецессии, законы о порядке выхода из состава государства. В них должны определяться гарантии и механизмы защиты граждан, автономных территорий, субъектов федерации и всего государства, а также устанавливаться переходный период, во время которого решаются все вопросы защиты прав и интересов сторон., Согласно международному праву, решение об отделении принимается на референдуме в условиях мира и демократии, обеспечиваемых легитимными властями. Самоопределение должно происходить только на основе полного равноправия всех граждан, приоритета прав человека без преимуществ для коренных (титульных) этносов, без малейшей дискриминации

населения другой этничности [28, с. 177–179]. На практике сецессия в большинстве случаев разрушительна и убыточна, влечёт за собой массовые нарушения прав человека. Как полагает В.Е. Чиркин, к сецессии можно прибегать только на конституционных основаниях и только в том случае, если все другие способы решения противоречий исчерпаны [51].

Таким образом, декларируемая идейная основа сепаратизма – право на самоопределение: 1) имеет правовые ограничения; 2) выражается во множестве форм, в т.ч. не соответствующих сепаратизму; 3) противоречиво истолковывается в различных науках. Сепаратизм как тип территориального движения — высший предел вектора дезинтеграции общества.

Причины сепаратизма многообразны. Рассмотрим их подробнее.

1. Экономико-географические факторы. Стремление более развитых регионов отделиться от отсталых. Например, Лига Севера в Италии, радикальные партии Каталонии. Часто бедствующие регионы тоже охвачены сепаратизмом. Их сообщества надеются, что в отдельном государстве будут жить лучше (Косово в Югославии, тамильские районы в Шри-Ланка, южные провинции Судана и многие другие).

2. Расовые факторы. Например, сепаратизм белого меньшинства в ЮАР, движения индейцев в Перу и Колумбии.

3. Этнические факторы. Стремление получить автономию или расширить её, добиться статуса независимого государства. Это самая распространённая группа причин. Примеры: Страна Басков в Испании, северо-восточные штаты Индии, Ачех в Индонезии, Абхазия и Южная Осетия в Грузии, восточные районы Демократической Республики Конго и др. Разновидность этносепаратизма — *ирредентизм*, т.е. стремление этноса воссоединиться, разрушая бывшие государственные границы либо перейдя в состав соседнего государства. Например, проект «Великой Албании» посягает на земли Югославии, Македонии и Греции. Независимость Курдистана потребовала бы перекройки границ Турции, Ирака, Ирана и Сирии. В 1973–1974 гг. южная часть Кипра пыталась воссоединиться с Грецией, а северная — с Турцией.

4. Религиозные факторы. Классический пример — Ливан, где доминирующее арабское население расколото на массу территориально замкнутых общин. В Югославии, как и в Таджикистане, религиозный фактор преобладал над языковым.

5. Религиозно-этнические факторы порождают борьбу разных идентичностей, в результате чего может усиливаться непринятие субъективно «чужого» государства. Так, в Ольстере ирландцы-католики стремятся воссоединиться с Ирландской Республикой, а мусульмане Кашмира — с Пакистаном. Религиозный и этнический факторы неразрывно сплетены во многих странах Африки: в кровопролитных войнах за раздел Судана, Сомали, Конго, Анголы, Либерии и др.

6. Внутривнутриполитические факторы. Стремление региональных элит к власти, партийный и идеологический раскол страны (КНР и Тайвань, Северная и Южная Корея, ГДР и ФРГ).

7. Внешнеполитические факторы. Поддержка сепаратистов со стороны «сверхдержав» и более сильных соседних стран. Мотивы поддержки разнообразны — ослабить конкурента, овладеть геополитически важными районами и экономикой отделяемых местностей, нажиться на торговле оружием и наёмниками с участниками конфликта. Распад Югославии, Чехословакии, СССР был бы крайне затруднён без поддержки извне. Примеры внешнего контроля над зонами сепаратизма: Панама в начале XX в., ныне — Косово.

8. Фактор родоплеменной обособленности в традиционных обществах Тропической Африки и Океании (трайбализм). Подчас затруднительно само государственное строительство, так как архаичные сообщества стремятся монополизировать власть и распределять её по родоплеменному, земляческому принципу. Таковы конфликты на Фиджи, Соломоновых островах, в Папуа Новой Гвинее, Коморских островах, Сомали.

9. Идеологический фактор. Ставшая нормой международного права в 1919 г. по Версальской дипломатической системе доктрина самоопределения народов дала важные аргументы сепаратистам и их покровителям. Зададим простой вопрос: почему стремление разделить СССР, Китай или Судан — это «борьба народов за самоопределение», а подобные движения мексиканцев в США или ирландцев в Великобритании — абсолютное зло? Ответ понятен: политическая выгода нынешней сверхдержавы — США. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку» [34, с. 143–180, 249–255; 55, с. 472].

На деле факторы сепаратизма неразрывно взаимосвязаны. Как показал на основе социологических методик А. Лейпхарт, взаимодействие факторов может «приглушить» их общий эффект (в Малайзии, карибских странах, Мьянме) или усилить разрушительные последствия (Ливан, Кипр) [31]. С точки зрения регионалистики все факторы сепаратизма преломляются и агрегируются в виде *центр-периферийных отношений*.

Развитию сепаратизма могут благоприятствовать *географические условия*:

- неравномерность развития территорий страны;
- слабая территориальная интегрированность: затруднённые транспортные и информационные коммуникации, анклавность, притяжение соседних стран;
- компактное размещение сторонников сепаратизма;
- «реликтовые» внутренние границы: сепаратисты сознательно культивируют чувство ненависти к «оккупантам» и желание территориального реванша, создают картографию своих притязаний к соседям, которая служит важным средством политической мобилизации.

С.Н. Бабурин выделил несколько видов сепаратистских конфликтов по характеру претензий:

- 1) на основе исторического спора о принадлежности территорий (Косово);

- 2) в связи с претензиями на территорию соседнего народа (Абхазия);
- 3) вызванные прошлыми депортациями, а затем возвращением на уже заселённую территорию исхода (Чечня, Крым);
- 4) между господствующим в государстве этносом и меньшинствами (Корсика, Эритрея);
- 5) на основе незаконных административных преобразований (Южная Осетия, Судан, Кашмир);
- 6) вызванные желанием сообщества обрести свою государственность, дабы уравнивать свой политический статус с соседями (Нигерия, Карачаево-Черкесия, северо-восток Индии);
- 7) обусловленные стремлением сохранить хотя бы ядро своей территории в условиях смены режима или иностранной экспансии (Приднестровье в Молдавии, Южная и Северная Корея, Республика Сербская в Боснии и Герцеговине);
- 8) вследствие борьбы за обладание природными и геополитическими ресурсами (Конго, Чад, курды);
- 9) вызванные стремлением получить территориальный выход к морю (агрессия сепаратистского режима Чечни в Дагестане (1999 г.), движение берберов в Алжире);
- 10) связанные с неурегулированностью вопроса о границах, отсутствием чёткой демаркации и делимитации (в странах Африки) [4, с. 339–340].

Цикл развития сепаратистских движений подчинен логике этнополитической мобилизации. Они начинают в роли культурно-исторических обществ, затем становятся группами интересов, а потом разделяются на террористическое крыло и легальные партии («группы проникновения», *entryist groups*). Это деление, как отмечает А.И. Тэвдой-Бурмули [49, с. 31–35], не препятствует общему антицентрализму. Уровень неоднородности сепаратистского «потока» зависит от того, насколько его субкультура включена в региональную культуру. Например, «Шинн Фейн» в Северной Ирландии и «Эрри Батасуна» в Стране Басков достаточно популярны, как и Лига Севера в Италии. Напротив, движения бретонцев и савояров против Франции, Баварская армия освобождения в ФРГ — маргинальные, хотя и крикливые группировки. Обычно между террористическим и легально-политическим «крыльями» движения устанавливается разделение труда: обмен кадрами, идеями, организационными связями. Политическое крыло обеспечивает представительство интересов в парламентах, получает финансовую помощь от подконтрольного бизнеса, влияет на официальную систему образования и культуры.

Рассмотрим наиболее известные случаи очагов современного сепаратизма.

В Канаде сепаратизм имеет прочные корни в провинции Квебек. Истоки конфликта: этнические, языковые и религиозные различия между основной частью Канады (англоязычной и протестантской) и провинцией Квебек (80% её жителей — франкоканадцы, католики) [1, с. 33–65; 19; 35, с. 148–176; 39].

Регионы отличаются политической культурой: в Квебеке господствует коммуитаризм, в остальной Канаде — либерализм. Сепаратизм подпитывается неэффективной работой институтов федерализма и экономико-социальными диспропорциями, что позволило Квебекскому блоку на последних выборах в Палату общин Канады (июнь 2004 г.) увеличить свою фракцию с 37 до 54 мест из 308. Кроме того, квебекское движение стимулирует импульсы центробежности и в других провинциях, особенно на западе Канады [6].

В странах **Западной Европы** сепаратизм имеет долгосрочную политическую традицию и чаще всего унаследован от эпохи создания централизованных национальных государств XV–XVIII вв., он находит себе опору в этнических, религиозных, историко-культурных меньшинствах. М. Хёхтер создал модель «внутреннего колониализма» для интерпретации территориальных движений такого рода [57]. Таковы Ирландская республиканская армия и «Шинн Фейн» в Ольстере, Шотландская национальная партия, сепаратисты в Стране Басков – ЭТА («Эускади та Аскасун») и «Эрри Батасуна», Фронт национального освобождения Корсики и др. Смешанный, религиозно-этнический характер имеют движения католиков и их противников юнионистов-протестантов в Северной Ирландии, фламандцев и валлонов в Бельгии [37; 59]. Экономико-социальные диспропорции между регионами стали ведущим фактором создания Лиги Севера в Италии.

Сепаратизм католиков в **Северной Ирландии** проявлялся в течение всего времени английского колониального господства (с XII в.). Ещё во второй половине XIX в. сформировалась подпольная Ирландская республиканская армия (ИРА) и её политическое крыло — партия «Шинн Фейн». Война за независимость Ирландии (1919–1921 гг.) привела к разделу острова на независимое Ирландское Свободное Государство (Эйре) и Северную Ирландию, оставшуюся автономной частью Соединенного Королевства [5; 13; 18; 36; 43].

В шести северных графствах католики-ирландцы составляли сплочённое меньшинство (40 %). Непрестанная борьба между сепаратистами и юнионистами приняла особый размах в 1969 г., перейдя в формы «городской партизанской войны». В 1972 г. кабинет Великобритании распустил ассамблею Северной Ирландии и её правительство, ввёл прямое правление общегосударственных структур власти. В 1973 г. проведён референдум жителей региона, подавляющее большинство его участников поддержало сохранение Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства. В апреле 1998 г. конфликтующие стороны подписали соглашение Страстной пятницы. Основной вклад в примирение внесли лидер ведущей юнионистской партии Д. Тримбл и лидер умеренных католиков-националистов Дж. Хьюм при посредничестве международной комиссии во главе с бывшим сенатором США Дж. Митчелом. Соглашение означало разоружение ИРА и протестантских боевиков — «Ордена оранжистов», «Борцов за свободу Ольстера» и т.д. Однако ряд экстремистских группировок — «истинная» ИРА, Ирландская народно-освободительная армия и др. — бойкотирует процесс примирения. За 1998–2004 гг. деятельность парламента

Северной Ирландии четырежды прерывалась из-за актов террора, и вновь вводилось временное прямое правление Лондона.

По мнению многих экспертов, перелом в ольстерском примирении наступил после терактов 11 сентября 2001 г. в США. Ирландская диаспора в Америке охладела к поддержке терроризма. Великобритания и США являются наиболее близкими союзниками по антитеррористической коалиции. Интеграция Ирландской Республики в ЕС также разрушает многовековую идеологию насильственного воссоединения страны. Как справедливо считает М.Е. Орлова, разоружение и наказание террористов недостижимо только карательными мерами. «Другую сторону проблемы составляет целенаправленное преодоление пережитков традиционализма во всех сторонах ирландской жизни, неотъемлемой частью которых является постоянное воспроизводство террористических идей, стремление реализовать средствами вооружённой борьбы политические цели, сформулированные многими поколениями» [36, с. 144]. Новый аспект проблемы — вырождение сепаратизма в уголовные формы наркоторговли и бандитизма. Потребуется долгий путь взаимного примирения и смены базовых ценностей общин католиков и протестантов.

В Шотландии сепаратизм имеет мирные формы. Национальная партия признаёт, что полную независимость Шотландии поддерживают не более 1/3 жителей региона. По словам координатора ШНП А. Салмонда, «Шотландия может идти к независимости более умеренным путём через создание национального парламента и заключение федеративного договора с Великобританией». ШНП стремится достичь независимости благодаря трансграничному сотрудничеству в рамках «Европы регионов». Её аргументы — обещания повысить уровень жизни, уменьшить бюрократизм управления [40]. Один из лидеров ШНП Дж. Рид в 2001 г. открыто признавал, что создание шотландского парламента — лишь шаг к независимости. По свидетельству Л.А. Фадеевой, Рид воскликнул: «А зачем тогда вообще нужна деволуция»? Однако настроения избирателей гораздо более умеренны. По данным опросов, после создания парламента доля сторонников независимости сократилась с 70 до 25 %, а доля сторонников автономии выросла до 65 % [50, с. 31, 33].

Сепаратизм в Стране Басков (Испания). Баски проживают в автономных областях Испании (в Стране Басков и Наварре) и французском департаменте Нижние Пиренеи. Испанская часть культурно-исторического ареала составляет 85 % населения и территории (2,5 млн чел. против 260 тыс. во Франции). Только 42 % жителей Страны Басков понимают язык басков, 1/4 говорит на нём повседневно [2, с. 21; 22, с. 111; 54, с. 67]. Баски имеют прочную этнокультурную идентичность и традиции государственности (средневековое королевство Наварра, широкая автономия в 1936–1939 гг. и с 1978 г.). Регион, который называют «атлантическими воротами» Испании, развивался как центр горной промышленности, судостроения, финансов и торговли. Традиционно баски получали привилегии от испанской монархии. Запоздавшая модернизация страны в последней четверти XIX в. ввергла земли басков в затяжной кризис.

Аллергическая реакция на стирание национальных различий породила идеологию басконского сепаратизма [10; 29, с. 27–31]. Её творцы, братья Арана заявляли, что Испания — вечный враг басков, которые должны сохранить в чистоте католическую веру и патриархальные нравы. Ради этого С. Арана в 1901 г. изобрел символику: литературный язык, название страны (Эускади), флаг, политические ритуалы. По мнению Араны, именно язык — главное препятствие на пути «испанских колонизаторов». Современные опросы показывают, что языковой фактор (вместе с этническим — 62 и 61 % соответственно) формирует региональную идентичность Страны Басков, обгоняя исторический (49 %), политический (16 %) и экономический (4 %) факторы [11, с. 401–402].

Основная сепаратистская организация региона ЭТА (сокращение от «Эускади та Аскатасуна», Страна Басков и свобода) создана в 1959 г. Она объявила себя патриотической и революционной организацией по образцу антиколониальных движений «третьего мира» [30; 41]. Религиозные лозунги были вытеснены социалистическими. С 1968 г. группировка вела террор против военных и чиновников франкистского режима. Именно в 1970–1980-х гг. ЭТА удалось организовать массовую поддержку идей независимости в басконском обществе. С началом демократизации Испании требования ЭТА ужесточились. Она перешла к тактике «войны на истощение», требуя вывести из Страны Басков войска и силовые структуры, признать суверенитет региона и включить в его состав соседнюю Наварру. Действия ЭТА с 1978 г. по сей день сводятся к жестоким акциям террора, причем не только против властей, но и против мирного населения. С 1994 г. используется тактика уличных беспорядков по примеру палестинской интифады.

Успешные антитеррористические действия государства привели к бессрочному перемирию 1998 г. Посредницей выступила умеренная Басконская националистическая партия. Однако этаровцы надеются создать единый фронт партий Страны Басков против общеиспанских сил. Но подобная тактика нереалистична. На региональных парламентских выборах 1998 и 2001 гг. политическое крыло сепаратистов «Эрри Батасуна» потерпело неудачу, победила умеренная БНП. Провал тактики конституционного пути к независимости заставил ЭТА возобновить в конце 1999 г. террор. Сепаратисты добиваются проведения референдума по вопросу независимости с участием одних басков. Они надеются использовать евроинтеграцию для прямого вхождения в ЕС (подобную тактику применяют сепаратисты в Шотландии и в Каталонии).

Басконский сепаратизм демонстрирует ряд важных закономерностей территориальных движений. Он появился во вполне экономически и социально благополучном регионе. Отсутствует прямая зависимость сепаратизма с неграмотностью и низкой образованностью. Напротив, Страна Басков в 1990-х гг. занимала первое место среди испанских регионов по доле молодежи с высшим образованием [10, с. 167, 173]. Вопреки своей марксистской риторике, ЭТА никогда на деле не устанавливала союз с рабочими, фермерскими организациями, профсоюзами и т.д. Большинство нынешних активистов ЭТА — молодежь

из городских семей среднего класса, пренебрегающая традиционной моралью. Они резко отличаются от поколения сепаратистов 1960-х гг., которые воспринимались в Европе как борцы против франкизма.

Цели и лозунги ЭТА показывают, что она стремится к власти любой ценой. Конституция Испании и Устав Страны Басков (Статут Герники) категорически отвергают возможность сецессии, тем более что сепаратистов поддерживает не более 15 % жителей региона. По закону Испании «О политических партиях» 2002 г. запрещены экстремистские организации, в том числе «Эрри Батасуна».

Как же воспринимают испанское и басконское общество проблему сепаратизма? Она считается самой значимой для региона. В самой Стране Басков желают иметь независимое государство 20–40% опрошенных [24]. Но басконцы выступают против терроризма (89 %), считают оправданным насилие ЭТА лишь 5 % жителей области [10, с. 169]. В остальной Испании террор единодушно осуждают. Вместе с тем 26 % респондентов не возражают против независимости Басконии (60 % категорически отвергают этот путь).

Итак, басконский сепаратизм является устойчивым территориальным движением, обретшим инерцию развития. Он поощряется отсутствием институционального выхода из конфликта, нетерпимостью сепаратистов. В отличие от Северной Ирландии, сепаратизм в Стране Басков проявляет завидные ресурсы прочности и тактическую гибкость. Он делает ставку на расширение своей социальной базы, на разнообразие полулегальных и легальных «форм прикрытия», довольно успешно оказывает давление на умеренных регионалистов БНП. Представляется, что силовые методы подавления сепаратизма должны быть дополнены легитимным референдумом и изоляцией ЭТА от легальных политических сил. В целом же ЭТА — опасный анахронизм ушедшей в прошлое эпохи. Увы, сепаратизм способен мутировать и в условиях глобализации, находя новую питательную почву в обществе.

В **Каталонии**, другой автономной области Испании, сепаратизм не нашёл серьёзной поддержки. Незначительное влияние имеют «Терра Льюре» (Свободная земля), Национальный фронт и Фронт освобождения Каталонии. По данным опросов, идею независимости Каталонии поддерживают 15 % респондентов, но они категорически противятся насильственным методам борьбы [16, с. 86–93]. Преобладает тактика овладения парламентом и использования трансграничных контактов в ЕС.

Во **Франции** сепаратизм устойчиво проявляется на **острове Корсика**, получившем в 1991 г. статус автономного региона. С середины 1970-х гг. действует Фронт национального освобождения Корсики. Как полагает Г.В. Казанская, бурный рост центробежных настроений стал реакцией на запоздалую модернизацию. Массовый терроризм, приток беженцев из Алжира и иностранцев, утечка с острова прибылей от хищнического использования природных богатств, пониженный уровень жизни — все это вызвало изоляционистские настроения корсиканцев. Как и баски, они испытывают страх перед ассимиляцией (82 % жителей вступают в брак с французами; только 10 % школьников

изучают корсиканский язык в дополнение к основному французскому) [23]. На острове сохраняются средневековые традиции кровной мести и клановая организованная преступность.

Движение за независимость с начала 1990-х гг. раскололо на 13 группировок. Часть из них подписывает время от времени перемирие с властями, другие группировки отличаются непримиримостью. Согласно результатам опросов населения, за независимость выступают только 13 % корсиканцев, 80 % хотят остаться в составе Франции, причем 67 % даже не требуют автономии. Однако по некоторым данным, сочувствие националистам растёт. Политическое крыло ФНОК «Кункольта нациунале» требует на первых порах придать Корсике статус заморского департамента (по аналогии с бывшими колониями Франции – Мартиникой, Реюньоном и др.). В 1998 г. сепаратисты убили префекта Корсики, высшего представителя центральных властей в регионе. Не утихает и внутренняя вооруженная борьба между течениями сепаратистов. За 1994–2003 гг. в терактах на Корсике погибли 3 тыс. чел. — больше, чем в Стране Басков [21].

Во Франции сепаратистские движения помимо Бретани, где уже совершались террористические акты, вызревают и в других регионах. В 1994 г. создана Савойская лига со штаб-квартирой в Женеве, требующая независимости «государства Савоя» в Альпах, поглощенного Францией в 1860 г. [26; 56; 58]. Социологические опросы фиксируют сепаратистские настроения в регионе Рона (центр – второй по размерам город Франции Лион).

В **Италии** сепаратизм проявляется в действиях и идеологии **Лиги Севера**, хотя ныне этот блок областных лиг, скорее, выступает за широкий регионализм. Как подметил Л. Зидентоп, Италия более других унитарных стран Европы подвержена угрозе распада, так как поздно создала своё национальное государство. Отсутствие правовой системы баланса интересов между Севером и Югом позволило Лиге Севера «с легкостью призывать к полной независимости... Такой сплав популистской аргументации и экономического упрощенчества подчеркивает настоятельную необходимость тщательного конституционного оформления принципа субсидиарности» [20, с. 220].

Особенно опасны в этой связи действия Лиги Севера во второй половине 1990-х гг., когда она пребывала в оппозиции левоцентристскому правительству. Лидер северян У. Босси провозгласил в Венеции 15 сентября 1996 г. свободу и независимость и призвал граждан «сбросить колониальное ярмо ненавистного латинского империализма и порвать с Римом, символом угнетения» [32, с. 107]. Социальной опорой Лиги Севера являются протестные слои общества — малый бизнес, безработные, фермеры, однако за кулисами Лиги стоят влиятельные бизнес-группы и муниципальные элиты Севера.

Протестная мобилизация быстро проходит, если цели утопичны. Прокуратура Италии возбудила дела о преследовании за нарушение государственного единства, что вынудило У. Босси летом 1998 г. резко изменить партийную стратегию. Теперь Лига взяла курс на перераспределение власти

в рамках федерации, стремясь увеличить свои фракции в общенациональных органах власти.

В некоторых случаях сепаратистские движения достигают «полууспеха», т.е. провозглашают независимость своих регионов де-факто. Это явление весьма распространено в современном мире (Турецкая Республика Северного Кипра, Тайвань, Республика Сербская и Косово в период войны за раздел Югославии, Южный Ливан, враждующие регионы Сомали, Конго, Коморских островов). Феномен *непризнанных государств* ярко проявился и на постсоветском пространстве (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах). В политической географии применяется также термин *повстанческое государство*, т.е. часть территории страны, устойчиво контролируемая противниками правящего режима (в Колумбии, Афганистане 1990-х гг., Судане, Сомали, Заире и др.). Иногда сепаратистское движение сохраняется только благодаря контролю соседнего государства, признающего сепаратистов независимыми (Азад Кашмир под оккупацией Пакистана; Северный Кипр, захваченный Турцией в 1974 г. и др.) [48, с. 102–103; 47, с. 153–154].

В начале 1990-х гг. 27 государств не контролировали всецело свою территорию, в том числе 14 — в течение десятилетий (Судан, Мьянма, Сомали, Афганистан и др.). Неконтролируемые территории возникают из-за острых этнических конфликтов, гражданских войн, поддержки зарубежных стран [27, с. 368–371]. Подобные «черные дыры» живут за счет потребительского натурального хозяйства, но чаще за счет доходов от криминальной экономики, работающей на мировой рынок. Большинство неконтролируемых территорий возникает вдоль геополитических разломов и контактных зон между цивилизациями, в условиях этнической и религиозной мозаичности общества.

Особо полезен синтез подходов геополитики, этнополитологии, исследований региональных культур в осмыслении территориальных движений. В.А. Тишков утверждает: «Сепаратизм не стал бы глобальной проблемой, если бы не служил орудием соперничества государств и средством геополитической инженерии... Теперь настала пора победителей в холодной войне навязывать свою волю внешнему миру через очередные этнические самоопределения» [45, с. 359].

Если сепаратизм в высокоразвитых странах Европы и Северной Америки развивается в основном благодаря внутренним факторам, то в «третьем мире» и на постсоциалистическом пространстве нарастает роль международного вмешательства, поощрения сепаратизма в интересах более сильных государств и транснациональных структур. Наиболее ярко роль геополитического фактора в разжигании сепаратизма видна на примере бывшей *Югославии*. Ещё в 1968–1970 гг. были организованы первые сепаратистские выступления: в автономном крае Косово и Метохии при поддержке Албании местных соплеменников, в Хорватии — при поддержке усташей-эмигрантов в странах Запада*.

* Литература о сепаратизме в бывшей Югославии необъятна. См. обобщающие работы [3; 9; 15; 38; 52].

Тогда же сложилась тактика сочетания подпольной деятельности террористов («Красный фронт», Освободительная армия Косова) с захватом органов региональной власти. Федеральные структуры Югославии были вынуждены в 1970 г. подавить сепаратизм. С 1981 г. террористические выступления в Косово повторялись с нарастающей силой.

В Косово и Метохии сепаратизм имеет глубокие внутренние корни:

- разрушение старой патриархальной системы ценностей и образа жизни;
- чрезмерный демографический рост, поглощавший все инвестиции;
- растущее экономическое и социальное отставание от других республик и автономий Югославии;
- многовековые расколы общества по религиозному, этническому и культурно-историческому основаниям, причем эти расколы взаимно усиливали друг друга;
- традиции нетерпимости и этнократии, царившие в стане обеих противоборствующих сторон;
- взрывоопасная конструкция институтов югославского федерализма, которая дополнила советскую исходную модель своими «отягощениями» [3, с. 21–24].

Общая дезинтеграция СФРЮ в 1981–1991 гг. привела в Косове к формированию двух изолированных и взаимно непримиримых сербского и албанского сообществ. В 1990 г. легализовались сепаратистские партии, которые избрали тактику мирного бойкота выборов и официальных институтов автономии. В сентябре 1991 г. албанская община провела незаконный референдум о независимости края, единодушно провозгласив суверенную республику. В мае 1992 г. были организованы незаконные выборы президента и парламента Косова при поддержке ряда стран и международных организаций. И. Ругова и ОАК победили почти с 100 % результатом. В 1993 г. И. Ругова с другими албанскими лидерами выдвинул идею разместить в Косове военные силы ООН и НАТО [14, с. 30–31], а позже — ввести «гражданский протекторат» стран блока в крае. Предъявлялись претензии на районы проживания албанцев в Черногории и Македонии, а после установления контроля над ними замышлялось создание «Великой Албании».

Иностранное вмешательство в дела автономии резко возросло с принятием Дейтонских соглашений 1995 г., увязавших снятие санкций с Югославии с решением «проблемы Косова». Весной 1997 г. Международный фонд Карнеги выдвинул на сербо-албанских переговорах посреднический план. Он означал превращение СРЮ в федерацию 4 республик, в том числе Косова и Воеводины; вывод армии и полиции из края. После переговоров и двухлетнего переходного периода надлежало провести референдум о будущем республики Косова. Будущий президент Югославии В. Коштуница назвал план «неприкрытой поддержкой сепаратизма косовских албанцев» (цит. по [14, с. 32]).

После кровавых столкновений Североатлантический блок предупредил в августе 1997 г. Президента СРЮ С. Милошевича о возможности вооруженного вмешательства. В январе 1998 г. резолюции по косовскому вопросу приняли Парламентская ассамблея Совета Европы, Совет министров ЕС, министерства иностранных дел стран Европы. Все документы настойчиво требовали «расширения» автономии Косова, а на деле — превращения края в субъект рыхлой федерации с правом сепарации.

Получив мощную дипломатическую и информационную поддержку, боевики Освободительной армии Косова начали в феврале 1998 г. хорошо спланированный мятеж и спровоцировали власти СРЮ на ответные меры. По мере затягивания в полномасштабную войну происходила радикализация албанского движения. Лидеры ОАК 12 раз срывали переговоры с властями Югославии. СРЮ неоднократно доказывала свою готовность решать косовскую проблему дипломатическими и внутривластными мирными средствами, но руководители НАТО осенью 1998 г. определили курс на интервенцию. Албанцы стали поводом для расчленения Югославии, выполняя роль «детонатора» военного конфликта.

24 марта 1999 г. НАТО начало войну против Югославии под предлогом невыполнения СРЮ ультиматума. В итоге агрессии власти Югославии вынуждены были принять соглашение с НАТО о выводе сил безопасности СРЮ из Косова и о размещении в крае «миротворческих сил». Вопреки соглашениям НАТО и ОАК, после вывода югославских сил албанские сепаратисты сохранили свои военизированные структуры и беспрепятственно занялись террором против сербского и других этнических меньшинств.

В итоге парламентских выборов 2001 г. в автономном крае Косово сформированы законодательный орган (Скупщина) и правительство, которые действуют на основе «Конституционных рамок временного самоуправления в Косове», принятых Миссией ООН по делам временной администрации края [3, с. 54–73]. По сути, край Косово, выведенный из правовой и политической системы Сербии, стал независимым государственным образованием под опекой стран Запада.

Косовская ситуация — пример крайне опасной легитимации права международного вмешательства во внутренний конфликт, отработки сценария и технологий расчленения стран, неудобных мировым «центрам силы». Аналогичные приемы попрания государственного суверенитета под предлогом права наций на самоопределение уже повторены в Восточном Тиморе, отделённом от Индонезии (1998–1999 гг.). Но цель вмешательства извне — конечно, не интересы обманутых сепаратистами этносов, а геополитический контроль над территорией враждебных государств. Ради выгоды риторика может меняться на противоположную и выражаться в требованиях единства Грузии, Молдавии, Филиппин.

Библиографический список

1. *Ажаева В.С.* Канада: тенденции социально-политического развития. М.: ИНИОН РАН, 2001.
2. *Аккос П., Альгаларрондо Э.* Самобытность, не признающая границы // *Geo*. 2000. №1.
3. Албанский фактор кризиса на Балканах / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 2003.
4. *Бабурин С.Н.* Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: МГУ, 1997.
5. *Бирюков И.Д.* Ольстер: Кризис британской империалистической политики. М.: Мысль, 1985.
6. *Боголепов Ю.* Пиррова победа Пола Мартина // *Независимая газета*. 2004. 30 июня.
7. *Болтенкова Л.Ф.* Российская государственность: состояние и перспективы развития. М.: Республика, 1995.
8. *Бьюкенен А.* Сецессия: Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001.
9. *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М.: Гея Итэрум, 2000.
10. *Волкова Г.И.* Истоки и современные реальности баскского терроризма // *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы* / Отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.
11. *Волкова Г.И.* Этнолингвистический фактор как социально обусловленный символ баскского национализма // *Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения*. М.: РОССПЭН, 2001. С. 400–405.
12. *Волова Л.И.* Нерушимость границ — новый принцип международного права. Ростов н/Д: РГУ, 1987.
13. *Громыко А.А.* Усмирение терроризма: опыт Северной Ирландии // *Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов* / Ин-т полит. и воен. анализа; Отв. ред. А.А. Шаравин, С.М. Маркедонов. М.: б.и., 2002. С. 37–45.
14. *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право; Русский национальный фонд, 2001.
15. *Джуретич В.* Развал Югославии: Основные течения 1918–2003 гг. М.: Кобекс интернешнл и др., 2003.
16. *Диес Медрано Х.* Разделенные нации. Классы, политика и национализм в Стране Басков и Каталонии // *Современная Испания: Реферативный сборник*. М.: ИНИОН РАН, 2003.
17. *Доленко Д.В.* Политика и территория: Основы политического регионоведения. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2000.
18. *Жоаннон П.* Атаки 11 сентября и конец терроризма в Северной Ирландии // *Современная Великобритания: Реф. сб.* М.: ИНИОН РАН, 2003.
19. *Захаров А.А.* Федеративное государство и сепаратизм: канадский вариант // *Полис*. 2002. № 3. С. 129–141.
20. *Зидентоп А.* Демократия в Европе. М.: Логос, 2004.
21. *Зимин Е.* Конец перемирия // *Независимая газета*. 2003. 22 июля.
22. *Iberica: Культура народов Пиренейского полуострова* / Отв. ред. Г.В. Степанов. Л.: Наука, 1983.

23. *Казанская Г.В.* «Особый случай» корсиканской автономии // *Полис*. 1995. № 5. С. 136–140.
24. *Келнер Х.–Г.* Децентрализация в Испании приносит успехи // *Национальные отношения в полиэтнических государствах*. 2001. № 1. С. 90–93.
25. *Кива А.В.* Национально-освободительное движение: теория и практика. М.: Наука, 1989.
26. *Коваленко Ю.* В Альпах зреет «Савойская республика» // *Известия*. 1996. 23 мая.
27. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
28. *Конюхова И.А.* Право народов на самоопределение как принцип федерализма // *Политическая наука*. 2003. № 3. С. 167–186.
29. *Крылов А.Б.* Сепаратизм: истоки и тенденции развития. М.: Знание, 1990.
30. *Ландабасо Ангуло А.И., Коновалов А.М.* Терроризм и этнополитические конфликты. М.: Огни, 2004. Кн. 1.
31. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997.
32. *Международная жизнь*. 1996. № 11–12.
33. *Международное право в документах*. М.: Международные отношения, 1982.
34. *Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока* / Отв. ред. А.А. Прусаускас. М.: Наука, 1991.
35. *Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар: КубГУ, 1998.
36. *Орлова М.Е.* Ирландский терроризм и уроки борьбы с ним // *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы*. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. С. 144–164.
37. *Петрелла Р.* Националистические и региональные движения в Западной Европе // *Этнос и политика*. М.: УРАО, 2000. С. 234–244.
38. *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
39. *Роше Ф.* Внутренние противоречия канадского федерализма // *Полития*. 2002. № 4(27). С. 42–48.
40. *Салмонд А.* «Мы – не англичане, мы – шотландцы» // *Независимая газета*. 1994. 9 февр.
41. *Санчес-Куэнка И.* ЭТА против государства. Стратегии терроризма // *Современная Испания: Реф. сб.* М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 104–107.
42. *Старовойтова Г.В.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб.: Лимбус Пресс, 1999.
43. *Стивенсон Дж.* Нерушимый мир в Северной Ирландии? // *Современная Великобритания: Реф. сб.* М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 109–117.
44. *Тарасов А.* Право народов на самоопределение как фундаментальный демократический принцип // *Свободная мысль*. 2002. № 9.
45. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
46. *Тощенко Ж.Т.* Этнокрафия. М.: РОССПЭН, 2003.
47. *Туровский Р.Ф.* Основы и перспективы региональных политических исследований // *Полис*. 2001. № 1.
48. *Туровский Р.Ф.* Политическая география. М.; Смоленск: СГУ, 1999.

49. *Тэвдой-Бурмули А.И.* Особенности развития политической культуры региона проживания коренных этнических меньшинств // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: Матер. семинара / Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М.: МОНФ; ИЦНиУП, 1999.
50. *Фадеева Л.А.* Деволюция Шотландии в контексте европейской регионализации // Политический альманах Прикамья. Пермь: ПГУ, 2002. Вып. 2.
51. *Чиркин В.Е.* Современное федеративное государство: Учебное пособие. М.: МНИМП, 1997.
52. Югославия в огне: Сб. документов: В 2 т. / Ред.-сост. Е.Ю. Гуськова. М.: ИНИОН РАН, 1992–1993.
53. *Явкин Н.В.* Проблема обеспечения единства и территориальной целостности государства в условиях борьбы народов за самоопределение: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2004.
54. *Яшлавский А.Э.* Баскская проблема // Федерализм: Энциклопедия / Отв. ред. К.С. Гаджиев. М.: МГУ, 2000.
55. *Яшлавский А.Э.* Сепаратизм // Федерализм: Энциклопедия / Отв. ред. К.С. Гаджиев. М.: МГУ, 2000. С. 472–475.
56. *Brustein W.* The Social Origin of Political Regionalism, France. Berkeley etc.: Univ. of California press, 1988.
57. *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley: Routledge & Kegan Paul, 1975.
58. *Lannou M.* La Bretagne et les Bretons. P.: UF, 1992.
59. *Winter L.* A Comparative Analysis of the Electoral, Office and Policy Success of the Ethnoregionalist Parties // Regionalist Parties in Western Europe. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 204–247.